

Слово о полку Игореве

Неизвестный автор · 1800

Глава 1

Не начать ли нашу песнь, о братья, Со сказаний о старинных бранях, — Песнь о храброй Игоревой рати И о нем, о сыне Святославле! И воспеть их, как поется ныне, Не гоняясь мыслью за Бояном! Песнь слагая, он, бывало, вещий, Быстрой векшей по лесу носился, Серым волком в чистом поле рыскал, Что орел ширял под облаками! Как вспомнит брани стародавни, Да на стаю лебедей и пустит Десять быстрых соколов вдогонку; И какую первую настигнет, Для него и песню пой та лебедь, — Песню пой о старом Ярославе ль, О Мстиславе ль, что в бою зарезал, Поборов, касожского Редедю, Аль о славном о Романе Красном... Но не десять соколов то было — Десять он перстов пускал на струны, И князьям, под вещими перстами, Сами струны славу рокотали!..

Поведем же, братия, сказанье От времен Владимировых древних, Доведем до Игоревой брани, Как он думу крепкую задумал, Наострил отвагой храброй сердце, Распалился славным ратным духом И за землю Русскую дружину В степь повел на ханов половецких.

У Донца был Игорь, только видит — Словно тьмой полки его прикрыты, И воззрел на светлое он Солнце — Видит: Солнце — что двурогий месяц, А в рогах был словно уголь горящий; В темном небе звезды просияли; У людей в глазах позеленело. «Не добра ждать», — говорят в дружине. Старики поникли головами: «Быть убитым нам или плененным!» Князь же Игорь: «Братья и дружина, Лучше быть убиту, чем плененну! Но кому пророчится погибель — Кто узнает, нам или поганым? А посядем на коней на борзых Да посмотрим синего-то Дону!» Не послушал знаменья он Солнца, Распалясь взглянуть на Дон великий! «Преломить копье свое, — он кликнул, — Вместе с вами, русичи, хочу я На конце неведомого поля! Или с вами голову сложити, Иль испить златым шеломом Дону!»

О Боян, о вещий песнотворец, Соловей времен давно минувших! Ах, тебе б певцом быть этой рати! Лишь скача по мысленному древу, Возносясь орлом под сизы тучи, С древней славой новую свивая, В путь Троянов мчась чрез дол на горы, Воспевать бы Игореву славу!

То не буря соколов помчала, То не стаи галчьи побежали Чрез поля-луга на Дон великий... Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

Глава 2

За Сулой-рекою да ржут кони, Звон звенит во Киеве во стольном, В Новеграде затрубили трубы; Веют стяги красные в Путивле... Поджидает Игорь мила брата; А пришел и Всеволод, и молвит: «Игорь, брат, един ты свет мой светлый! Святослави мы сыны, два брата! Ты

седлай коней своих ретивых, А мои оседланы уж в Курске! И мои курыне ль не смышлены! Повиты под бранною трубою, Повзросли под шлемом и кольчугой, Со конца копья они вскормлены! Все пути им ведомы, овраги! Луки туги, тулы отворёны, Остры сабли крепко отточёны, Сами скачут, словно волки в поле, Алчут чести, а для князя славы!..»

И вступил князь Игорь во злат стремя, И дружины двинулись за князем. Солнце путь их тьмою заступало; Ночь пришла — та взвыла, застонала И грозою птиц поразбудила. Свист звериный встал кругом по степи; Высоко поднявшись по древу, Черный Див закликал, подавая Весть на всю незнаемую землю, На Сулу, на Волгу и Поморье, На Корсунь и Сурожское море, И тебе, болван тматороканский! И бегут неезжими путями К Дону тьмы поганных, и отсюда От телег их скрип пошел, — ты скажешь: Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит, А над ним беду уж чуют птицы И несутся следом за полками; Воют волки по крутым оврагам, Ощетинясь, словно бурю кличут; На красны́ щиты лисицы брешут, А орлы своим зловещим клетком По степям зверье зовут на кости...

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко! Перевал давно переступила!

Ночь редет. Бел рассвет проглянул, По степи туман понесся сизый; Позамолкнул щекот соловьиный, Галчий говор по кустам проснулся... В поле Русь, с багряными щитами, Длинным строем изрядилась к бою, Алча чести, а для князя славы.

Глава 3

И в пяток то было; спозаранья Потоптали храбрые поганных! По полю рассыпавшись что стрелы, Красных дев помчали половецких, Аксамиту, паволок и злата, А мешков и всяких узорочий, Кожухов и юрт такую силу, Что мосты в грязях мостили ими. Всё дружине храброй отдал Игорь, Красный стяг один себе оставил, Красный стяг, серебряное древко, С алой чёлкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега. Далеко, родное, залетело! «Не родились, знай, мы на обиду Ни тебе, быстр сокол, пестер кречет, Ни тебе, зол ворон половчанин...»

А уж Гзак несется серым волком, И Кончак за Гзаком им навстречу...

Глава 4

И в другой день полосой кровавой Повешают день кровавый зори... Идут тучи черные от моря, Тьмой затмить хотят четыре солнца... Синие в них молнии трепещут... Грому быть, великому быть грому! Лить дождю калеными стрелами! Поломаться копьям о кольчуги, Потупиться саблям о шеломы, О шеломы половчан поганных!

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко! Перевал давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслись, Веют ветры, уж наносят стрелы, На полки их Игоревы сыплют... Помутились, пожелтели реки, Загудело поле, пыль поднялась, И сквозь пыли уж знамена плещут... Ото всех сторон враги подходят... И от Дона и от синя моря, Обступают наших отовсюду! Отовсюду бесовы исчадья Понеслись с гиканьем и криком.

Молча Русь, отпор кругом готова, Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! стоишь ты Впереди с курянами своими! Прыщешь стрелами на вражых воев, О шеломы их гремишь мечами! Где ты, буй-тур, ни поскачешь в битве, Золотым посвечивая шлемом, — Там валяются головы поганых, Там трещат аварские шеломы Вкруг тебя от сабель молодецких! Не считает ран уж он на теле! Да ему о ранах ли тут помнить, Коль забыл он и Чернигов славный, Отчий стол, честны пиры княжие И своей красавицы княгини, Той ли светлой Глебовны, утечи, Милый лик и ласковый обычай!

Глава 5

Были веки темного Трояна, Ярослава годы миновали; Были брани храброго Олега... Тот Олег мечом ковал крамолу, Сеял стрелы по земле по Русской... Затрубил он сбор в Тмуторокани: Слышал трубы Всеволод Великий, И с утра в Чернигове Владимир Сам в стенах закладывал ворота... А Бориса ополчила слава И на смертный одр его сложила На зеленом поле у Канина... Пал млад князь, пал храбрый Вячеславич За его ж, за Ольгову обиду! И с того зеленого же поля, На своих угорских иноходцах, Ярополк увез и отче тело Ко святой Софии в стольный Киев. И тогда ж, в те злые дни Олега, Сеялось крамолой и растилось На Руси от внуков Гориславы; Погибала жизнь Дажьбожьих внуков, Сокращались веки человекам... В дни те редко ратаи за плугом На Руси покрикивали в поле; Только вороны каркали на трупах, Галки речь вели между собою, Далеко почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати было, Но такой, как Игорева битва, На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый, С вечера до света реют стрелы, Гремлют остры сабли о шеломы, С треском копыа ломаются булатны Среди неведомого поля, В самом сердце Половецкой степи! Под копытом черное все поле Было сплошь засеяно костями, Было кровью алою полито, И взошел посев по Руси — горем!..

Что шумит-звенит перед зарею?

Скачет Игорь полк поворотити... Жалко брата... Третий день уж бьются! Третий день к полудню уж подходит: Тут и стяги Игоревы пали! Стяги пали, тут и оба брата На Каяле быстрой разлучились... Уж у храбрых русичей не стало Тут вина кровавого для пира, Попоили сватов, да и сами Полегли за отческую землю! В поле травы с жалости поникли, Деревя с печали приклонились...

Невеселый час настал, о братья! Уж пустыня скрыла поле боя, Где легла Дажьбожья внука сила, — Но над ней стоит ее Обида... Обернулась девою Обида И ступила на́ землю Трояню, Распустила крылья лебедины И, крылами плещучи у Дона, В синем море плеща, громким гласом О годах счастливых поминала:

«От усобиц княжьих — гибель Руси! Братья спорят: то́ мое и это! Зол раздор из малых слов заводят, На себя куют крамолу сами, А на Русь с победами приходят Отовсюду вороги лихие!

Залетел далече ясный сокол, Загоняя птиц ко синю морю, — А полка уж Игорева нету! На всю Русь поднялся вой поминок, Поскочила Скорбь от веси к веси И, мужей зовя на тризну, мечет Им смолой пылающие роги... Жены плачут, слезно причитают: „Уж ни мыслью милых нам не смыслить! Уж ни думой лад своих не сдумать, Ни очами нам на них не глянуть, Златом, серебром нам уже не звякнуть!“

Стонет Киев, тужит град Чернигов, Широко печаль течет по Руси; А князья куют себе крамолу, А враги с победой в селах рыщут, Собирают дань по белке с дыму... А всё храбрый Всеволод да Игорь! То они зло лихо разбудили: Усыпил было его могучий Святослав, князь Киевский великий... Был грозой для ханов половецких! Наступил на землю их полками, Притоптал их холмы и овраги, Возмутил их реки и озера, Исушил потоки и болота! А того поганого Кобяка Из полков железных половецких, Словно вихрь, исторг из лукоморья, — И упал Кобяк во стольный Киев, В золотую гридню к Святославу... Немцы, греки, и венециане, И морава хвалят Святослава, И корят все Игоря, смеются, Что на дне Каялы половецкой Погрузил он русскую рать-силу, Реку русским золотом засыпал, Да на ней же сам с седла златого На седло кощя пересажен».

Глава 6

В городах затворены ворота. Приумолкло на Руси веселье. Смутен сон приснился Святославу.

«Снилось мне, — он сказывал боярам, — Что меня на кипарисном ложе, На горах, здесь в Киеве, ох, черным Одевали с вечера покровом; С синим мне вином мешали зелье; Из поганых половецких тулов Крупный жемчуг сыпали на лоно; На меня, на мертвеца, не смотрят; В терему ж золотоверхом словно Из конька повыскочили доски; И всю ночь прокаркали у Пленска, Там, где прежде дебрь была Кисаня, На подолье, стаи черных вранов, Проносясь несметной тучей к морю ..»

Отвечали княжие бояре:

«Ум твой, княже, полонило горе! С злат-стола два сокола слетели, Захотев испить шеломом Дону, Поискать себе Тматорокани. И подсекли половцы им крылья, А самих опутали в железа! В третий день внезапно тьма настала! Оба солнца красные померкли, Два столба багряные погасли, С ними оба тьмой поволоклися И в небесных безднах погрузились,

На веселье ханам половецким, Молодые месяцы, два света — Володимир с храбрым Святославом! На Каяле Тьма наш Свет покрыла, И простерлись половцы по Руси, Словно люты пардусовы гнезда! Уж хула на славу нанеслася, Зла нужда ударила на волю, Черный Див повергнулся на землю, Рад, что девы готские запели По всему побережью синя моря! Золотом позванивают русским, Прославляют Бусовы победы И лелеют месть за Шарукана... До веселья ль, княже, тут дружине!»

Изронил тогда, в ответ боярам, Святослав из уст златое слово, Горючими слезами облитое:

«Детки, детки, Всеволод мой, Игорь! Сыновцы мои вы дорогие! Не́ в пору искать пошли вы славы И громить мечами вражью землю! Ни победой, ни пролитой кровью Для себя не добыли вы чести! Да сердца-то ваши удалые На огне искованы на лютom, Во отваге буйной закалёны! Что теперь вы, дети, сотворили С сединой серебряной моею? Нет со мной уж брата Ярослава! Он ли сильный, он ли многоратный, Со своей черниговской дружиной! А его Могуты и Татраны, Топчаки, Ревуги и Ольберы, Те с ножами, без щитов, лишь кликом, Бранной славой прадедам ревнуя, Побеждают полчища и рати... Вы ж возмнили: сами одолеем! Всю сорвем, что в будущем есть, славу, Да и ту, что добыли уж деда!..

Старику б помолодеть не диво! Вьет гнездо сокол и птиц взбивает, Своего гнезда не даст в обиду, Да беда — в князьях мне нет помощи! Времена тяжелые настали: Крик в Ромнах под саблей половецкой! Володимир ранами изъязвлен, Стонет, тужит Глебович удалый...

Что ж ты, княже, Всеволод Великий! И не в мысль тебе перелетети, Издалёка поблюсти стол отчий? Мог бы Волгу веслами разбрызгать, Мог бы Дон шеломами расчерпать! Будь ты здесь, да половцев толпою Продавали б — девка по ногате, Смерд-кощей по рёзани пошел бы! Ведь стрелять и посуху ты можешь: У тебя живые самострелы — Двое братьев, Глебовичей храбрых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давид удалый! Вы ль с дружиной по златые шлемы Во крови не плавали во вражьей? Ваши ль рати не рычат по степи, Словно туры, раненные саблей! Ой, вступите в золотое стремя, Распалитесь гневом за обиду, Вы за землю Русскую родную, За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещий, Ярославе... Высоко на золотом престоле Восседаешь в Галиче ты крепком! Подпер ты своей железной ратью, Что стеной, Карпатские угорья, Заградив для короля дорогу, Затворив ворота на Дунае, Через тучи сыпля горы камней И судя до самого Дуная! И текут от твоего престола По землям на супротивных грозы... Отворяешь в Киеве ворота, Мечешь стрелы за́ земли в салтанов!.. Ах, стреляй в поганого кощея, Разгроми Кончака за обиду, Встань за землю Русскую родную, За живые Игоревы раны!..

Ты, Роман, с своим Мстиславом верным! Смело мысль стремится ваш ум на подвиг! Ты, могучий, в замыслах высоко Возлетаешь, что сокол ширяя На ветрах, над верною добычей... Грудь у вас из-под латинских шлемов Вся покрыта кольчатой сеткой! Перед вами трепетали земли, Потрясались Хиновские страны, Деремела ж, половцы с литвою И ятвяги палицы бросали И во прах кидались перед вами! Свет, о князь, от Игоря уходит! Не на благо лист

спадают с древа! По Роси́, Суле́ враг грады делит, А полку уж Игоревá нету! Дон зовет, Роман, тебя на подвиг, Всех князей сзывает на победу, А одни лишь Ольговичи вняли И на брань, на зов его, доспели...

Ингварь, Всеволод, и вы, три брата, Вы, три сына храброго Мстислава, Не худа гнезда птенцы крылаты! Отчин вы мечом не добывали — Где же ваши шлемы золотые? Аль уж нет щитов и ляшских палиц? Заградите острыми стрелами Ворота́ на Русь с широкой степи! Потрудитесь, князи, в поле ратном Все за землю Русскую родную, За живые Игоревы раны!..

Уж не той серебряной струею Потекла Сула к Переяславлю, И Двина пошла уже болотом, Взмущена врагом, под грозный Полоцк! Услыхал и Полоцк крик поганых! Изяслав булатными мечами Позвонил один о вражьи шлемы, Да разбил лишь дедовскую славу, Сам сражен литовскими мечами И изрублен на траве кровавой, Под щитами красными своими! И на том одре на смертном лежа, Сам сказал: „Вороньими крылами Придел ты, князь, свою дружину, Полизать зверям ее дал крови!“ И один, без брата Брючислава, Без другого — Всеволода-брата, Изронил жемчужную он душу; Изронил, один, из храбра тела, Сквозь свое златое ожерелье!.. И поникло в отчине веселье, В Городне трубят печально трубы...

Все вы, внуки грозного Всеслава, Опустите ваши красны стяги И в ножны мечи свои вложите: Вы из дедней выскочили славы! В ваших сварах первые вы стали Наводить на отчий край поганых! И от вас, не лучше половецких, Таковы ж насилья были Руси! Загадал о дедине любезной Тот Всеслав, на Киев жребий бросил, На коня вскочил он и помчался, Да лишь древком копья добился До его престола золотого! В ночь бежал оттуда лютым зверем, Синей мглой из Белграда поднялся, Утром бил уж стены в Новеграде, Ярослава славу порушая... Проскочил оттуда серым волком, От Дудуток на реку Немигу... Не снопы то стелют на Немиге — Человечьи головы кидают! Не цепами молотят — мечами! Жизнь на ток кладут и веют душу, Веют душу храбрую от тела! Ох, не житом сеяны — костями! Берега кровавые Немиги, Всё своими русскими костями!.. Днем Всеслав суды судил народу И ряды рядил между князьями, В ночь же волком побежит, бывало, К петухам в Тмуторокань поспеет, Хорсу путь его перебегая! Да! ему заутреню, бывало, Зазвонят у Полоцкой Софии, Он же звон у Киевской уж слушал. А хотя и с вещею душою Был, великий, в богатырском теле, Всё ж беды терпел-таки немало! Про него и спел Боян припевку: „Будь хитер-горазд, летай хоть птицей, Всё суда ты божьего не минешь!“

Ох, стонать земле великой Русской, Про князей вспоминая давних, Вспоминая прежнее их время! Да нельзя ж ведь было пригвоздити Ко горам ко Киевским высоким Старика Владимира навеки! По рукам пошли его знамена И уж розно машут бунчуками, Розно копыа петь пошли по рекам!»

Глава 7

Игорь слышит Ярославнин голос... Там, в земле неизвестной, поутру Раным-рано ласточкой щебечет: «По Дунаю ласточкой помчусь я, Омочу бебрян рукав в Каяле, Оботру кровавы раны князю На белом его могучем теле!..»

Там она, в Путивле, раным-рано На стене стоит и причитает:

«Ветр-ветрило! что ты, господине, Что ты веешь, что на легких крыльях Носишь стрелы в храбрых воев лады! В небесах, под облаки бы веял, По морям кораблики лелеял, А то веешь, веешь — развеваешь На ковыль-траву мое веселье...»

Там она, в Путивле, раным-рано На стене стоит и причитает:

«Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой Славутич! По земле прошел ты Половецкой, Пробивал ты каменные горы! Ты лады лелеял Святослава, До земли Кобяковой носил их... Прилелей ко мне мою ты ладу, Чтоб мне слез не слать к нему с тобою По сырым зорям на сине море!..»

Рано-рано уж она в Путивле На стене стоит и причитает:

«Светлое, трисветлое ты Солнце, Ах, для всех красно, тепло ты, Солнце! Что ж ты, Солнце, с неба устремило Жаркий луч на лады храбрых воев! Жаждой их томишь в безводном поле, Сушишь-гнешь несмоченные луки, Замыкаешь кожаные тулы...»

Глава 8

Сине море прыснуло к полночи. Мглой встают, идут смерчи морские: Кажет бог князь-Игорю дорогу Из земли далекой Половецкой К золотому отчему престолу.

Погасают сумерки сквозь тучи... Игорь спит — не спит, крылатой мыслью Мерит поле ко Донцу от Дона. За рекой Овлур к полночи свищет, По коня он свищет, повещает: «Выходи, князь Игорь, из полона».

Ветер воет, проносясь по степи, И шатает вежи половецки; Шелестит-шуршит ковыль высокий, И шумит-гудит земля сырая... Горностаем скок в тростник князь Игорь, Что бел гоголь по воде ныряет, На быстрá добрá коня садится; По лугам Донца что волк несется; Что сокол летит в сырых туманах, Лебедей, гусей себе стреляет На обед, на завтрак и на ужин.

Что сокол летит князь светлый Игорь, Что сер волк Овлур за ним несется, Студену росу с травы стряхая. Уж лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул говор, И сорочья стрекота не слышно. Только дятлы ползают по ветвям, Дятлы тѣктом путь к реке казуют, Соловья свист зори повещает...

Говорит Донец: «Ох, князь ты Игорь! Величанья ж ты себе да добыл, А Кончаку всякого проклятья, Русской всей земле светлá веселья!»

Отвечал Донцу князь светлый Игорь: «Донче, Донче, ты ли, тихоструйный! И тебе да будет величанье, Что меня ты на волнах лелеял, Зелену траву мне стлал в постелю На своем серебряном побережьи, Теплой мглою на меня ты веял Под темной зеленою раkitой, Серой уткой сторожил на русле, На струях — чирком, на ветрах — чайкой... Вот Стугна, о Донче, не такая! Как пожрет-попьет ручьи чужие, По кустам, по долам разольется... Ростислав-юношу пожрала, На Днепре ж, на темном побережьи, Плачет мать по юноше, по князе; Приуныли с жалости цветочки, Деревя с печали приклонились...»

Глава 9

Не сороки — чу! — застрекотали: Едут Гзак с Кончаком в злу погоню.

Молвит Гзак Кончаку на погоне: «Коль сокол к гнезду летит, урвался, Уж младá соколика не пустим, А поставим друга в чистом поле, Расстреляем стрелами златыми».

И в ответ Кончак ко люту Гзаку: «Коль сокол к гнезду летит, урвался, Соколыца опутаем потуже Крепкой цепью — красною девицей».

Гзак в ответ Кончаку слово молвит: «Коль опутать красною девицей, Не видать ни соколыца младого, Не видать ни красной нам девицы; А их детки бить почнут нас в поле, Здесь же, в нашем поле Половецком».

Стародавних былей песнотворец, Ярослава певший и Олега, Так-то в песне пел про Святослава: «Тяжело главе без плеч могучих, Горе телу без главы разумной». И земле так горько было Русской Без уда́ла Игоря, без князя... Ан на небе солнце засветило: Игорь-князь в земле уж скачет Русской. На Дунае девицы запели — Через море песнь отдалась в Киев. Игорь едет, на Боричев держит, Ко святой иконе Пирогощей. В селах радость, в городах веселье; Все князей поют и величают, Пёрво — старших, а за ними — младших. Воспоем и мы: свет-Игорь — слава! Буй-тур свету-Всеволоду — слава! Володимир Игоревич — слава! Святославу Ольговичу — слава! Вам на здравье, князи и дружина, Христиан поборцы на поганных!

Слава князьям и дружине! Аминь.